

НАША ПРАВДА ЯСНА

РАССКАЗ мой, с точки зрения суровых законов логики, может, вероятно, вызвать у читателей нарекания. Затем я принимаю их, но в то же время верю, что мои незримые собеседники поймут мое душевное состояние. Встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства произвела на меня неизгладимое впечатление, и я не в силах вести рассказ в строгой последовательности. Говорят, в таких случаях помогает время, которое, гасит первые впечатления. Приходит душевное равновесие. Может быть. Только чувствую, что так же остро и страшно я буду переживать эту встречу всегда.

На мой взгляд, слово «встреча» не совсем точно определяет сущность этого знаменательного события. Я расцениваю ее не только как крупнейший форум деятелей литературы и искусства, но как университет, где в роли учителя выступила ленинская правда жизни, правда истории.

Наша правда открыта и ясна. Чем остree ее оружие, тем грознее она для врагов. Ее ненавидят и ее боятся все прислужники капитала.

Недавно во время пребывания во Франции я столкнулся с таким фактом. Среди отобранных для показа за рубежом фильмов была широкоформатная документальная кинокартина о Советском Союзе. Узнав о том, что для демонстрации фильма предоставлен один из кинотеатров, фашистские молодчики из ОАС взорвали помещение. Показ фильма не состоялся.

Нечто подобное повторилось в Милане, но с другим результатом. В ночь перед демонстрацией фильма по «неизвестным» причинам сгорел экран. Нужно было видеть, с каким энтузиазмом рабочие кинотеатра той же ночью восстановили экран. Они хотели знать правду о Советском Союзе — нашу правду.

Эти случаи я вспоминаю каждый раз, когда слышу, как наши зарубежные недоброжелатели комментируют нашу критику абстракционистских и иных извращений в искусстве. Лицемерно отстаивая «свободу искусства», разумеется, реакционного (о чем комментаторы умалчивают), они отказывают в свободе прогрессивному искусству. Более того, борются с ним самыми крайними средствами. Мы были свидетелями и такого случая. В кинотеатре, расположеннем неподалеку от одного из районных комитетов итальянских фашистов, демонстрировался фильм «Рычащие годы». Фильм этот — убийственная сатира на режим Муссолини. После его демонстрации итальянские неофашисты напали на зрителей и многих искалечили.

Вот она, борьба за «свободу, искусства» во Франции, Италии, Испании, не говоря уже о Срединных Линчующих Штатах, вписавших гонением на прогрессивных голливудских кинодеятелей в свою историю позорные страницы. Простые люди этих стран знают истинную цену и долларовой демократии, и мнимым «свободам».

Заправилы буржуазного искусства на Западе дают презрительную кличу «завербованный» тем художникам, которые придают своим произведениям социальную заостренность. «Завербованным» объявляется каждый, кто своим искусством обнажает социальные язвы капиталистической действительности.

Кому, как не буржуазии, нужно внесоциальное искусство!

Мне вспоминается беседа с президентом Национальной ассоциации итальянской кинопромышленности «Аника» — Монако. Он утверждал, что в настоящее время в Италии работникам кино снимать уже нечего. В Италии, с его точки зрения, интерес для кино представляют только пейзажи, а так как здесь многое уже отснято, то итальянское кино обретет свою вторую родину за рубежом. Отсюда следует вывод, что жизнь своего народа не может служить темой для искусства. Не потому ли итальянская и французская кинопромышленность переживает сейчас острой-

ший кризис? Народ отказывается посещать фильмы, которые умышленно обходят молчанием его жизнь.

Итальянские кинопромышленники мучительно ищут выход из создавшегося положения. Кстати говоря, поиски эти идут в самых различных направлениях, кроме главного: на экранах слабо показана подлинная жизнь итальянского народа. В этом немаловажную роль играют и жесточайшие цензурные ограничения, с которыми сталкиваются художники кино в Италии. Недвусмысленное назначение цензуры — подавлять живой, протестующий голос народа, поддерживать все, уводящее от решения острых социальных проблем современности.

Итальянская цензура под видом борьбы с аморальностью предала анафеме фильм высокого социального звучания «Рокко и его братья», и она же благословила откровенно эротические фильмы.

В беседе с кинопродюсерами о возможностях новых советско-итальянских контактов я предложил для совместного производства одну тему. В Белоруссии есть братская могила, в которой похоронены советские партизаны и итальянские солдаты. История этой могилы такова. По приказу немецкого командования советских партизан должны были расстрелять итальянские солдаты. Они отказались выполнить приказ и тогда вместе с советскими партизанами были расстреляны немцами. Мое предложение о совместных съемках фильма было отвергнуто с ссылкой на то, что такой фильм может обидеть военных. При этом не уточнялось, каких военных — недобитых гитлеровцев, нашедших приют в ФРГ, или итальянских неофашистов. Видимо, и тех, и других.

Я подробно останавливалась на своих итальянских впечатлениях не случайно. Мне хочется показать, с какой непримиримой враждебностью относятся проповедники современной буржуазной идеологии к проникновению наших идей за кордон. Буржуазные «радетели» свободы творчества в тоже время отказывают нам в праве отстаивать чистоту завоеваний искусства социалистического реализма! Увы, некоторые деятели нашего искусства, главным образом из числа идейно незрелой молодежи, волеи-неволей встают на близкие к этому позиции.

Происходит парадоксальный и вместе с тем закономерный процесс. Объявляя искусство социалистического реализма догматическим, юные проповедники бредового формализма именно формализм утверждают как догму. Это можно объяснить только их духовной склонностью и гражданской слепотой. Мне вспоминаются великолепные слова Шоу: «Декадентщина может иметь своих приверженцев только в том случае, если выступает под маской прогресса».

К сожалению, неустойчивая часть нашей молодежи нашла поддержку и среди некоторых зреющих мастеров искусства. Нет нужды говорить еще раз о позиции И. Эренбурга. О ней с исчерпывающей ясностью сказал Н. С. Хрущев. Я хочу повести речь о так называемой проблеме отцов и детей. Она была в нашем довоенном прошлом. Она и сейчас стоит на повестке дня за рубежом. Это вполне понятно. Там дети далеко не всегда могут добиться от своих отцов ответа на самый жгучий вопрос: ради чего человек должен жить?

Свинцовые мерзости капиталистической действительности, зловещая тень атомного гриба — тень современного империализма — подавляют волю молодежи,

Григорий АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР

порождают неверие в будущее, в торжество сил разума. Поэтому силам разума нужно объявить беспощадную войну. Жить нужно, не задумываясь, и чем примитивнее чувства, чем они ближе к своей первобытности, тем человек ближе к богу. Итак, разум объявляется злом, неверие в него возводится в высшую доблесть, образ жизни первобытного человека оказывается смыслом бытия.

Может ли стоять проблема «отцов и детей» у нас? Ведь отцы нынешней молодежи своей кровью, пролитой на полях гражданской, Отечественной войны, своими былинными трудовыми подвигами дали ей орлиные крылья для взлета в прекрасное будущее. Искусственно созданная проблема отцов и детей тоже пришла к нам с буржуазного Запада.

В идейных штаниях молодых работников советского искусства, разумеется, немногих, есть и наша вина. Как-то за последнее время мы утратили революционную страсть в пропаганде искусства социалистического реализма, в борьбе с все возможными «извращениями», то есть так называемыми новыми направлениями в искусстве, которые далеко не новы.

Помнится, Росселлини и другие деятели неореализма не раз говорили, что своими успехами они обязаны достижениям советского киноискусства. В качестве примера приводился «Броненосец «Потемкин». Это не совсем правильно. Существенное отличие фильма «Броненосец «Потемкин» от произведений неореализма — в его революционной страсти, в его светлой устремленности в будущее. Почему неореализм сейчас переживает упадок? Потому что он ограничивался только показом (бесспорно талантливым и глубоко человеческим) языка капиталистического общества, не отвечая на главный вопрос, как избавиться от этих языков.

Сейчас в киноискусстве Западной Европы появилось новое направление — анатомического исследования жизни: жизнь должна показываться такой, какой она случайно попадает в объективы кинокамер, без отбора типических социальных явлений. Художник при этом должен присутствовать едва ли не в качестве технического исполнителя съемок. Может ли такая «анатомия жизни» удовлетворять требования подлинного искусства? Конечно, нет. Мне вспоминаются слова Ф. Энгельса о том, что анатом может разъяснить и показать действие каждой жилы или артерии сердца, но он не может вернуть им жизнь. Конечно, цель подлинного искусства — защищать жизнь, петь гимн бессмертию жизни! Мне довелось посмотреть в Риме фильм тридцатого апостола нового искусства, каким провозглашают Антониони. В нем рассказывается о том, как молодая женщина переходит от одного любовника к другому и что она при этом переживает. Во время демонстрации фильма я не

раз слышал в зале смех, а по окончании сеанса увидел в глазах зрителей явное недоумение. У всех возник один и тот же вопрос: зачем создан фильм, что хотели сказать авторы? Зрители покинули зал не только разочарованные, но и раздосадованные. Мне вспомнились слова Л. Толстого: иметь успех, — значит, быть понятым. Нет. Не понимает народ такого искусства и не поймет.

Нужно сказать, что в среде прогрессивных итальянских кинодеятелей я каждый раз встречал искренний и повышенный интерес к советским фильмам. Привезите нам такие фильмы, которые рассказывают о грандиозных свершениях в Советском Союзе, говорили итальянские друзья, многие из которых бывали у нас и своими глазами видели эти великие свершения, а вот фильмов, рассказывающих об этом, смотрели мало. И нередко приходилось слышать от них: вы перекраиваете карту земли, меняя русла рек, пустыни превращаете в плодородные земли, ваши космонавты покорили сердца всего человечества, ваши ученые повергли мир в изумление своими открытиями, ваш народ разгромил фашизм, совершил величайшую в истории человечества революцию, но где же фильмы об этом?

Я вспоминал эти разговоры, слушая выступление Никиты Сергеевича Хрущева на встрече с деятелями литературы и искусства. Да, наше киноискусство — самое передовое в мире. Его радостно встречают во всех странах мира. Но как оно все-таки отстает от нашего бытия! Какой разрыв между подвигами нашего народа и киноискусством, которое должно рассказывать об этих подвигах многомиллионной аудитории! Мы в огромном долгу перед советскими людьми, перед партией, которая создает нам все условия для творческой работы. Есть у нас такие замечательные фильмы, как «Коммунист», «Баллада о солдате», «Повесть пламенных лет» и ряд других. Но таких фильмов до обидного мало. В хмари и сыры слякотной оттепели запотели наши кинообъективы. Горько сознавать это. Великолепные темы нашего бытия нашли во многих фильмах лишь бледное отражение. Боятесь рисков нашей молодежи в освоении целины вылился в наивную ребячью забаву с мелкими страшами в фильме «Горизонт» и многих других. Унылые стенины по поводу трудностей, с которыми нам приходится встречаться, окрасили многие фильмы в серые, безликие тона. Авторы кинокартин как будто стали избегать большого человеческого счастья, боясь светлой радости нашего мироощущения. И за это нас с полным основанием упрекали руководители партии и правительства...

Вспоминается встреча с великим физиком и мыслителем Эдисоном в 1929 году. С какой горечью Эдисон тогда говорил С. Эйзенштейну и мне: «Я думал, что кинескоп станет средством воспитания и просвещения, а в Голливуде из него сделали машину для вырабатывания денег».

Тогда же, при первом знакомстве с Чарли Чаплином, он спросил у нас:

— Зачем вы сюда приехали?

Мы, смущившись, невнятно проговорили, что цель нашего приезда — посмотреть, как делаются фильмы. И великий артист, не сговариваясь с Эдисоном, почти повторил его слова:

— Фильмы делают в Москве, а здесь делают деньги.

Эта «долларовая правда» искусства и поныне уродует не только кинематографию, но и кинодеятелей, и кинозрителей.

Правда нашего искусства в другом. Она — в служении всему прогрессивному человечеству. Она провозглашена на весь мир в Программе нашей Коммунистической партии, в ее заботах о большой судьбе советского искусства.